

The illustration depicts a man in a dark uniform and cap, seen from the side, holding a handgun. He stands on a cobblestone street at night, looking towards a two-story wooden building. The building has three lit windows and a sign that reads 'У ТРЁХ ПЕСКАРЕЙ'. A lantern hangs from a post in front of the building. The scene is dimly lit, with light coming from the windows and the lantern.

Владимир Кожедеев

**Сыскарь Громов
и тайны**

Владимир Кожедеев

Сыскарь Громов и тайны

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Сыскарь Громов и тайны / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Конец XIX века. Уездный город N — перекрёсток торговых путей, где кипит ярмарка, текут рекой деньги и каждый второй считает себя хозяином жизни.**Сыскарь Иван Петрович Громов привык к тихой службе: кража индюка, пропажа самовара, пьяная драка в трактире. Он мечтает о пенсии, домике в деревне и пасеке. Но однажды осенним утром в харчевне «У трёх пескарей» находят пятерых мёртвых купцов — цвет города, его элиту, его богатство. Все они отравлены за одним столом. Смерть наступила мгновенно. Губернатор в ярости. Город в панике. Громову дают три дня. Три дня, чтобы найти убийцу. Или — вылететь со службы без пенсии и с позором. Но чем глубже он копает, тем страшнее становится правда. Ложные улики. Запуганные свидетели. Тайные квартиры. Ночные погони. И тень, которая тянется на самый верх — к тем, кто вершит судьбы города, к тем, кто не боится ни Бога, ни закона, ни самого сыскаря.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Кожедеев

Сыскарь Громов и тайны

Пролог

Город N лежал на перекрестье дорог, как паук в центре паутины, раскинувшейся на сотни верст во все стороны. С севера к нему тянулся тракт из Архангельска, с юга — из Астрахани, с востока — из Сибири, с запада — из самой Москвы. Здесь, на берегу широкой и неторопливой реки, сходились купеческие караваны, речные суда, обозы с хлебом, солью, рыбой, мехами и железом. Здесь останавливались, чтобы передохнуть, пополнить запасы, продать товар, купить новый, нанять людей, починить телеги, переждать непогоду. Здесь кипела жизнь — шумная, торпливая, жадная до денег и удовольствий.

Город N не был ни губернским, ни даже уездным центром в полном смысле этого слова — он был чем-то большим и меньшим одновременно. Большим — потому что по своему богатству и значению он превосходил многие губернские города. Меньшим — потому что в нем не было ни губернатора, ни архиерея, ни большого света. Была управа, был суд, был полицмейстер, был собор — но всё это казалось здесь каким-то мелким, второстепенным, нарочно приспособленным к нуждам торговли, а не власти. Настоящая власть в городе N принадлежала не чиновникам, а купцам. Тем, кто держал в руках ярмарку. Тем, кто владел пароходами и складами. Тем, кто мог закрыть лавку — и город замер бы. Тем, кто мог открыть кошель — и город ожил бы.

Ярмарка была сердцем города. Она раскинулась на огромной площади у реки — каменные корпуса с аркадами, деревянные балаганы, навесы, палатки, ряды, ряды, ряды. Здесь торговали всем: хлебом и солью, рыбой и мясом, сукном и ситцем, кожей и мехом, посудой и утварью, иконами и книгами, вином и пряностями. Здесь можно было купить лошадь и сапоги, самовар и ружье, жемчужное ожерелье и подержанный тулуп. Здесь говорили на всех языках: на русском, на татарском, на чувашском, на мордовском, на немецком, на персидском. Здесь заключались сделки на тысячи, на десятки тысяч, на сотни тысяч рублей. Здесь рождались состояния и рушились судьбы.

Вокруг ярмарки жил и кормился весь город. Купцы, приказчики, сидельцы, маркитанты, извозчики, грузчики, артельщики, писцы, маклеры, менялы, ростовщики, трактирщики, полковые, повара, дворники, сторожа, нищие, воры, сыщики, полицейские — все они крутились вокруг ярмарки, как мотыльки вокруг огня. Одни наживались, другие прогорали, третьи просто выживали. Но все жили. Жили шумно, сыто, пьяно, грешно, весело.

Ярмарка работала круглый год, но главная её пора приходилась на осень — после уборки урожая, когда крестьяне везли в город хлеб, лён, пеньку, сало, мёд, воск. Тогда город N раздувался вдвое, втрое, вчетверо. Гостиницы были переполнены. Трактиры не закрывались до утра. Церкви трещали от молящихся. Полиция сбивалась с ног. А деньги текли рекой — в карманы купцов, в казну управы, в сундуки трактирщиков, в кошельки воров.

Но не только торговлей жил город N. Были здесь и развлечения — для тех, у кого были деньги и время. Трактиры и рестораны, где подавали стерлядь, осетрину, дичь, вина заморские и настойки домашние. Бани — торговые, дворянские, простонародные, с парильщиками, с вениками, с квасом и мёдом. Театры — заезжие труппы, которые давали представления в деревянном балагане на Соборной площади. Цыганские хоры, которые пели в трактирах и на загородных дачах. Карусели и качели для простонародья. И, конечно, дома терпимости — на глухой окраине, у самой реки, где фонари горели тускло, а окна были занавешены плотными шторами.

Были здесь и храмы — собор во имя Николая Угодника, покровителя торговцев и путешественников, с высокой колокольней и золочёными куполами. Была церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которую особенно чтили купчихи. Была часовня на берегу реки, где моли-

лись рыбаки и речники. Был монастырь за городом — небогатый, но уважаемый, с чудотворной иконой, к которой шли паломники со всей округи.

Были здесь и улицы — разные, непохожие друг на друга. Набережная, где стояли каменные дома богатейших купцов, с колоннами, с лепниной, с садами и оранжереями. Базарная, где шумела ярмарка и толпился народ. Садовая, где жили чиновники, врачи, учителя, адвокаты — люди образованные, но небогатые. Заречная, где ютились мещане, мастеровые, извозчики, мелкие торговцы. И окраины — Кривая, Подгорная, Песчаная, — где стояли лачуги бедноты, где не было ни фонарей, ни мостовых, ни полиции, где правили нищета, пьянство и преступление.

Город N был разным. Богатым и бедным. Святым и грешным. Весёлым и страшным. Он жил своей жизнью — шумной, полной, противоречивой. Он не знал покоя. Он не хотел покоя. Покой был не для него.

И в этом городе, в самом его сердце, на Садовой улице, в маленьком деревянном флигеле, жил человек по имени Иван Петрович Громов. Сыскарь. Человек, который искал правду. Человек, который знал этот город лучше, чем кто-либо. Человек, который любил его — таким, какой он есть. Шумным. Грешным. Живым.

Но это было потом. А пока — город N жил. Ярмарка шумела. Купцы торговали. Пароходы дымили. Церкви звонили. Трактиры гудели. И никто не знал, что через неделю в харчевне «У трёх пескарей» найдут пятерых мёртвых купцов. И что сыскарь Громов, человек, который любил покой, больше никогда не будет спать спокойно.

Никто не знал. Даже сам Громов.

Глава 1

Осень в уездном городе N всегда приходила как-то неспешно, будто сама природа понимала: здесь торопиться некуда. Дожди шли мелкие, затяжные, превращая булыжные мостовые в скользкое месиво, а единственный извозчик, старик Ефим, с тоской поглядывал на пустую пролётку и размышлял, не пора ли податься на покой. Город засыпал рано. К девяти вечера окна домов гасли одно за другим, и лишь в трактире купца Охлопкова до полуночи чадила керосиновая лампа, освещаая редких завсегдатаев, что не спешили домой к недовольным жёнам.

Иван Петрович Громов, сыскарь городской управы, жил на втором этаже деревянного флигеля на Садовой улице. Квартира его была скромна до аскетизма: две комнаты, кухонька с русской печью, да кабинет, в котором он проводил большую часть времени. Кабинет этот служил одновременно и спальней, и столовой, и рабочим местом. Узкая кровать, застеленная серым солдатским одеялом, стояла в углу за ширмой. У окна — массивный дубовый стол, заваленный бумагами, папками с делами и всякой всячиной, что казалась постороннему глазу хламом, но для Громова представляла строгую систему, известную лишь ему одному. На стене висела карта уезда, утыканная булавами с красными и синими головками. Красные означали дела раскрытые, синие — те, что ещё ждали своего часа. Синих было немного, и это Громова вполне устраивало.

Ему шёл сорок восьмой год. Человек он был плотного телосложения, с коротко стриженными, наполовину седыми волосами и тяжёлым, чуть исподлбья, взглядом серых глаз, который с годами приобрёл привычку смотреть на мир с лёгким недоверием. Носил он неизменный тёмно-зелёный сюртук с потертыми локтями, жилет с цепочкой от часов, доставшихся от покойного отца, и сапоги, которые чистил каждое утро собственноручно, находя в этом ритуале странное успокоение. Был он вдовцом. Жена его, Марья Алексеевна, скончалась от чахотки двенадцать лет назад, детей Бог не дал. С тех пор Громов жил один, и одиночество это его не тяготило, а, напротив, казалось естественным продолжением его натуры.

Просыпался Иван Петрович ни свет ни заря. Ставил самовар, заваривал чай крепкий, до черноты, и усаживался за стол с очередным делом. Нынешним утром дело было пустяковое: у мещанки Агафьи Тихоновны Синицыной, вдовы, проживающей на Заречной улице, украли индюка. Птица была откормленная, весом добрых полпуда, и Агафья Тихоновна, женщина тучная и голосистая, явилась в управу ещё затемно, требуя немедленного сыска и наказания виновного.

Громов выслушал её внимательно, не перебивая, записал приметы индюка (чёрный с белым пятном на левом крыле), время пропажи (минувшей ночью, часа эдак в три пополудни, когда хозяйка отлучалась во двор по нужде) и вероятных подозреваемых. Таковых Агафья Тихоновна назвала троих: соседа-сапожника Прохора, который «давно на индюка зубы точил», мальчишку-беспризорника Федьку, что шатается по задворкам, и собственную племянницу. Глашу, «змею подколенную», с которой они недавно крупно поссорились из-за наследства.

— Всё сделаем, Агафья Тихоновна, — сказал Громов, провожая её до дверей. — Не извольте беспокоиться. Найдём вашу птицу.

— Найдёте вы, как же, — фыркнула мещанка, но всё же ушла успокоенная.

Громов вернулся за стол, налил себе ещё чаю и принялся размышлять. Дедукция, к которой он прибегал не столько по наитию, сколько по многолетней привычке, требовала прежде всего фактов. Фактов было немного.

Во-первых, время кражи. Три часа ночи — час, когда город спит, но не окончательно. Дворники ещё не вышли на уборку, но и гуляки уже разошлись по домам. Человек, решив-

шийся на кражу в такое время, должен был либо знать распорядок хозяйки, либо действовать наудачу.

Во-вторых, сам предмет кражи. Индюк — птица тяжёлая, шумная. Унести её незаметно трудно. Значит, вор либо имел сообщника, либо действовал в месте, откуда крик птицы не был слышен. Заречная улица — окраина, дома там стоят редко, соседи далеко. Это упрощало задачу.

В-третьих, подозреваемые. Сапожник Прохор — человек пьющий, но трусливый. На дерзкую кражу ночью вряд ли решился бы. Мальчишка Федька — другое дело. Голодный, отчаянный, способный на всё ради куска хлеба. Но индюк — не кошель с деньгами. Куда бы он его дел? Продать? Кому? В городе все друг друга знают, на базаре чужую птицу сразу приметят. Съесть? Одному не осилить, а если с ватагой беспризорников — то это уже целая история. Племянница Глаша — особа корыстная, но действовала бы хитрее. Подсыпала бы яду или подожгла дом, но индюка красть? Слишком мелко.

Громов откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Мысль его текла неторопливо, как река в межень. Он представил Заречную улицу, дом Агафьи Тихоновны с покосившимся крыльцом и покривившимся забором, сарай, где держали птицу. Вспомнил, что у сарая была дыра в стене, заложённая досками. Доски эти, судя по описанию хозяйки, остались нетронутыми. Значит, вор вошёл через дверь. Замок на двери был, но Агафья Тихоновна, женщина безалаберная, часто забывала его запирать.

Если вор знал о незапертой двери — он либо наблюдал за домом, либо был знаком с хозяйкой. Если не знал — просто повезло. Громов склонялся ко второму. Уж больно топорно всё было сделано.

Он взял перо, обмакнул его в чернильницу и принялся записывать свои выводы на листе бумаги. Почерк у него был мелкий, аккуратный, с лёгким наклоном вправо. Он писал не торопясь, проговаривая каждую мысль про себя.

«Первое. Вор действовал в одиночку или с одним сообщником, знающим местность. Второе. Проникновение — через незапертую дверь. Третье. Мотив — пропитание, не нажива. Четвёртое. Наиболее вероятный подозреваемый — мальчишка Федька или кто-то из его ватаги. Пятое. Птицу, скорее всего, уже съели или спрятали в укромном месте. Искать следует на пустырях за рекой, где собираются беспризорники».

Он отложил перо и перечитал написанное. Логика была стройной, выводы — обоснованными. Оставалось проверить их на практике. Громов встал, надел шинель, взял фуражку и вышел на улицу.

Дождь прекратился, но воздух был сырой и промозглый. Громов дошёл до Заречной улицы, осмотрел место происшествия — ничего нового, кроме разве что следа от мужского сапога у сарая, который хозяйка в сердцах затоптала, когда бегала вокруг, голося на всю округу. Сапог был большой, сорок четвёртого размера, с подковкой на каблуке. У мальчишки Федьки нога была маленькая, детская. У сапожника Прохора — сорок второй. Значит, след оставил кто-то третий.

Громов присел на корточки, разглядывая отпечаток. Подковка была характерная — с тремя шипами, какие кузнец Михей ставил только на обувь для своих. А у Михея, как известно, было два сына: старший, Николай, работал на железной дороге и в городе появлялся редко, и младший, Семён, балагур и бездельник, который как раз на прошлой неделе вернулся из города с деньгами, о чём трещал на каждом углу.

Громов усмехнулся. Вот и разгадка. Семён Михеев, здоровый детина двадцати пяти лет, вернулся домой с деньгами, но без совести. Прогулял всё в трактире, а когда прижало — решил поправить дела за счёт соседки. Индюка, скорее всего, продал заезжему торговцу на базаре, а деньги снова пропил.

К вечеру Громов нашёл Семёна в трактире Охлопкова. Тот сидел за столом, красный, потный, с кружкой пива в руке, и рассказывал собутыльникам про свои «подвиги» в городе. Увидев сыскаря, он побледнел, но отпираться не стал. Через час индюк был извлечён из-под лавки в доме Михеевых, где его прятала мать Семёна, а сам виновник давал показания в управе, каялся, что «бес попутал».

Агафья Тихоновна, получив свою птицу обратно, всплакнула и обещала поставить Громову свечку в церкви. Громов кивнул, принял благодарность и вернулся домой.

Вечером он сидел за столом, пил чай и смотрел в окно. На улице снова моросил дождь. Где-то далеко, за рекой, лаяла собака. В трактире Охлопкова зажигали лампы. Город N готовился ко сну.

Громов думал о том, что жизнь его, в сущности, неплоха. Работа не пыльная, начальство не дёргает, жалованье капает исправно. Через пять лет можно выйти на пенсию, купить домик где-нибудь в деревне, завести пасеку. Он представил себе утро, раннее, росистое, запах мёда и воска, гудение пчёл над разнотравьем. Никаких тебе краж, никаких допросов, никаких слёз Агафьи Тихоновны. Тишина и покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.